

Встреча с Лессингом

Более двухсот лет живет на немецкой сцене комедия Готхольда Лессинга «Минна фон Барнхельм». Советский зритель, однако, знакомится с ней впервые. Видимо, много специфически национального содержится в этом ярком произведении немецкого Просвещения, это и предопределило ограниченность ее сценической жизни.

Мы впервые знакомимся не только с комедией, но и с театром «Мюнхнер каммершпиле» — одним из ведущих в ФРГ. Жизнь его началась в 1911 году, за этот небольшой срок театр прошел славный путь: с ним связано имя одного из ведущих режиссеров Отто Фалькенберга, на его сцене состоялось рождение Брехта-режиссера и Брехта-драматурга. Едва ли не все крупнейшие режиссеры и актеры Германии отдали дань подмосткам этого театра.

«Каммершпиле» можно было бы перевести как «камерная сцена» (что вовсе не отпугивало театр от произведений далеко не камерных), но все же именно пристальное внимание к судьбе человека, ее исследование было всегда главным содержанием лучших спектаклей мюнхенцев. Этим же отмечена и постановка «Минны фон Барнхельм». Автор ее — главный режиссер театра Дитер Дорн.

У «Минны» — богатая сценическая история, поэтому Дорн входит в полемику с разными установившимися штампами в трактовке едва ли не всех персонажей комедии. Весьма отчаянно, что режиссер этим спектаклем вступает в борьбу и с псевдореволюционными, и квазиноваторскими постановками классиков на многих современных сценах ФРГ.

Очень хороший актер Хельмут Грим главным в образе своего героя, майора фон Тельхейма, делает борьбу за собственную несправедливо поруганную честь. За нее актер воюет яростно, вплоть до... комизма. Воюет не без помощи Минны. Именно она, нарушившая всяческие элементарные представления о нормах поведения богатой девушки, «гоняется за женихом» и не только потому, что его страстно любит. У нее тоже есть свое понятие о чести, чести женщины, которую бросили. Великолепная актриса Корнелия Фробёсс ведет эту линию точно, с большим юмором и достоинством. Она воюет за свое счастье и... немножко играет этим. Она может себе позволить такое, поскольку слишком уверена в победном исходе. Лишь перед самым финалом она пугается, что «перегнула палку», и тогда следует чудесная по лиричности (без капли сентимента, его вообще

нет в спектакле) сцена с возлюбленным.

Этой Минне было бы трудно без своей Франциски, скорее подруги, нежели горничной (хотя разница между ними подчеркивается точно и тонко). Кристиане Хаммахер удалось убрать все штампы, которыми оброс этот образ на немецкой сцене. Ее Франциска — деловой, знающий себе цену (и место!) человек. Что-то искони народное пробивается в ее ненавязчивых суждениях и замечаниях.

В этом спектакле военные (точнее, бывшие военные) выглядят необычайно по-штатски. Это относится в первую очередь к майору, но в еще большей степени к Юсту (Вольфганг Рейнбахер). У него тоже есть своя «честь»: глубокая преданность Тельхейму — человеку и, что самое важное, верность правде. «Военная косточка» осталась у Пауля Вернера (Клаус Эберт) не только в манерах, но в видах на будущее. Но как-то не слишком оптимистично звучит его последняя реплика, в которой он обещает Франциске будущее генеральши или... вдовы.

Несомненно, удались режиссеру и актерам еще два образа: хозяина гостиницы и Рикко де ля Марлиньера. Ламберт Хамель играет не дешевого трактирщика, а деловую

продувную бестию, впрочем, изрядно опасную. Хайнц Беннент — Рикко очень деликатен в отборе художественных средств, и вместе с тем он точно вскрывает социальную подоплеку этого «спутника» военных баталий... за карточным столом. Блестяще сыгранная сцена!

Было бы несправедливо не назвать других участников спектакля, они того заслуживают: Дорис Шаде (дама в трауре), Мартина Флёрхингера (фон Брухзаль), Ханса Музойса (фельдъегерь), Рихарда Беека (клиент), Ханса Драна (лакей) и Монику Манц (горничная). И, конечно же, художника Юргена Розе. Он создал очень скромный, но удобный для игры интерьер с точной временной характеристикой. Костюмы лишены их былой пышности, от чего выигрывает характеристика персонажей. Может быть, есть свой смысл в почти естественно дневном освещении сцены, но сплошь и рядом мы видим из-за этого не лица актеров, а их силуэты. А что может быть интереснее лица актера?

На протяжении последних лет советские зрители знакомятся с классическими пьесами в постановках ведущих театров ФРГ. «Минна фон Барнхельм» очень хорошо вписалась в эту продуманную линию и надолго останется в памяти.

В. КЛЮЕВ,

кандидат искусствоведения.